

Автор «Москва - Гирзус - Москва»
Номинант премии «Писатель года»

Константин КРЮГЕР



Сборные рассказы

УЗ ЖИЗНИ
ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ
ДРУЗЕЙ

Константин Крюгер

Из жизни замечательных друзей. Сборные рассказы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=35735400

ISBN 9785449314093

Аннотация

Чем стремительней бежит время, тем чаще, вопреки течению реки Леты, с любовью и печалью я вспоминаю давно и не очень ушедших товарищей и родных. Эта, уже шестая, книга рассказов посвящена друзьям, почившим и ныне здравствующим. Во все времена и при всех системах существовали отдельные личности, чьи установки на жизнь не совпадали с существующими жёсткими требованиями к творчеству, морали, бытию. Благодарю судьбу за то, что значительная часть моего окружения вышла именно из этой когорты.

Содержание

Предисловие к первому изданию	5
Благодарности	10
Отзывы новых и «многолетних» читателей	12
Из цикла: Друзья	16
Памяти ушедших	16
Шапка из дорогого меха	20
Владимирские именины	29
Володя. Триединая история любви	43
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Из жизни замечательных друзей Сборные рассказы

Константин Крюгер

Редактор Ю. Бирюкова

*Фотографии Борис Плинер, Сергей Рахинский, Ирина
Караваева, Олег Лобачёв, Андрей Немков*

Дизайнер обложки Анна Смирнова

Дизайнер обложки Юлия Бирюкова

© Константин Крюгер, 2018

© Анна Смирнова, дизайн обложки, 2018

© Юлия Бирюкова, дизайн обложки, 2018

ISBN 978-5-4493-1409-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Эту, уже шестую книгу рассказов, посвящённую друзьям, ушедшим и ныне здравствующим, я предваряю предисловием к первому сборнику «Москва-Гурзуф-Москва», декларируя новым читателям свои цели и причины, подвигнувшие заняться творчеством.

Предисловие к первому изданию

*Желал я душу освежить,
Бывалой жизнью позитить
В забвенье сладком близ друзей
Минувшей юности моей.*
А.С.Пушкин

Описать некоторые, а скорее определённые, куски жизни я хотел всегда – не хватало времени, и стыковки необходимости и усидчивости. Все время бежал, хотел «объять необъятное». Но в последнее время воспоминания всё чаще стали рваться наружу, и я понял – пора.

Большинство друзей признает, что с памятью у меня все отлично – помню даже то, что и не очень должен, учитывая регулярное и не всегда умеренное употребление алкоголя. Это не бравада, а горькое сожаление! Перенося содержимое памяти на «жесткие носители», я надеюсь сохранить дорогие мне воспоминания и одновременно почистить «винчестер» в голове.

Любимый музыкант Ян Андерсон – бессменный лидер группы «Jethro Tull» – однажды в интервью сказал: «Услышав игру Эрика Клептона, я понял, что на гитаре даже в одну лигу с ним не попадаю, и выбрал другой инструмент, на котором преуспел!».

Воспитанный на Паустовском, и позднее, потрясенный

рассказами Бунина, я понимал, что до их прозы – «дистанции огромного размера», а другим инструментом не владею. Но творил ещё замечательный бытописатель Гиляровский, позже появились книги рассказчиков Довлатова и Веллера. Их и следует считать «крёстными отцами» этого опуса.

Литературное творчество Довлатова и Веллера связано с городом на Неве, а любимый Гиляровский писал о Москве конца 19 – начала 20 века. Мой дневник охватывает период на столетие позже. Он про москвичей бывших и нынешних, и для них же.

Я не великомосковский шовинист – «Понаехали тут!» – и надеюсь, что все упоминания Москвы и большинства героев, коренных жителей столицы, не отторгнут иногородних читателей и «новых» москвичей.

«Никто пути пройденного у нас не отберет!»

Присказка «Сам я огурец не видал, но конюх из соседней деревни рассказал, что их барин едал и говорил, что вкусно» – не про эти опусы. Все события, упомянутые в дневниковых записках, происходили при моем непосредственном участии, а фигуранты – друзья, знакомые и родственники. Правда, в некоторых рассказах автор слегка отступил от 100%-ой истинности, но, отнюдь, «не ради красного словца», а оберегая особо ранимых и до сих пор «зашифрованных» персонажей.

Большая часть моих героев, к глубокому сожалению, нас покинула. И каждый год старуха с косой неумолимо продолжает жатву – и всё больше времени я провожу на Московских кладбищах, упокоивших родных и друзей.

«Кто не помнит прошлого – у того нет будущего!», – эти слова Ключевского, услышанные от отца в раннем детстве, я сразу воспринял как руководство к действию.

Дневник – дань памяти людям, очень значимым для меня. И это не плач по ушедшей «империи, которую мы потеряли», скорее весёлые воспоминания обо всем хорошем, что было в той жизни, ныне называемой «Совком».

Получившиеся рассказы удалось объединить в определенные циклы: Друзья, Родня, Однокашники, Наш Гурзуф, Странствия, Служба, события и персонажи в которых тесно переплетаются.

Дневник предполагает некоторую историческую последовательность, рассказы же «пляшутся» от героя, поэтому время и место в них – факторы переменные.

Важное междусловие

У читателя моих опусов может сложиться впечатление, что я и мои друзья никогда нигде не работали и не учились, так сказать, не созидали, а только выпивали, веселились и «занимались любовью».

Но это совершенно не соответствует истине!

Все мы упорно и серьёзно учились, позднее честно и напряжённо работали «на благо построения...» в соответствующей времени обстановке, со всеми определёнными существовавшим строем условностями.

В предисловии я особо подчеркнул, что в дневниковых рассказах описываю только то хорошее, весёлое и смешное, что сохранила память из уже далёкого периода «развитого социализма».

Даже в «эпоху застоя», и как теперь пишут в эру «полного отсутствия свобод», «заключённые» от всего мира, мы хотели и умели радоваться жизни.

* * *

Среди хвалебных, благодарственных и иных приятных автору отзывов уже после выхода третьего сборника встретились и злобно – критические, такие, как нижеприведённый.

«Прочитал я «Зеленый курган» и остальное.

По поводу «важного междусловия» хочу дать Станиславского – не верю!

Ни хрена вы ничего не делали, золотая молодежь в эпоху застоя, прожигатели Великих побед Социализма и Отечественной войны. Пока остальной народ маялся, кое-кто активно пользовался всеми прелестями номенклатуры!

А что в итоге?

В итоге мы имеем вас, которые должны были в силу своего образования, воспитания и материальных возможностей встать у руля государства, все пропили, прокурили, проглотали и пропыжили.

В итоге наше поколение сидит в заднице после вашего банкета, среди грязной посуды, сломанной мебели, протухших огрызков еды и мерзких своей непотребной влажностью использованных презервативов.

Такие вот дела, Константин, конец, так сказать, прекрасной эпохи!»

По утверждению замечательного профессионального редактора, известной журналистки и литератора Екатерины Добрыниной такой отклик дорогого стоит! Он знаменует достижение определённой зрелости в творчестве и свидетельствует, что мои вирши способны активно «зацепить» различных читателей.

Благодарности

Этот сборник я посвящаю родным и друзьям, здравствующим и ушедшим, но продолжающим жить в памяти, сердце и душе.

Перечислять всех очень долго и горестно:

Младший брат Борька, Андрюшка «Неман», Наталья Шохова, Борис «РАшенский» Раскольников, Костя «Малыш», Мишка «Нильсон», Эдик «Родственник», Володя «Бычман», Валерий Василевский, Игорь «Бамбина», Александр «Полковник», Николай «Кука», Шура «Помидор», Вовка «Осташка», Костя «Моська». И это лишь самые близкие из покинувших этот мир.

Недавно прочитанное «I have more friends among the dead than the living!»¹, к сожалению уже почти совпадает с печальной действительностью.

Честь и хвала вечно молодым и неунывающим друзьям юности, затянувшегося периода взросления и всей дальнейшей жизни, которые и сегодня сердечным теплом и даже нерегулярным общением вызывают очередной всплеск жажды жизни и тягу к новым свершениям.

Искренне надеюсь, что Андрюшка «Крекс», Колюнъ-ка «Ленинский Стипендиат», Мишка «Хиппи», Андрюха

¹ «У меня больше друзей среди мёртвых, чем среди живых!», – Элиот Паттисон (англ.)

«Брат» Ч – ов, Шурка «Портос», Мишка «Рыба», Григорий Иванович, Сергуня Робертович, Сашок «Штейн», Вова, Алёнушка Игоревна, Мишка «Алхимик», Умный Петрович, Игорь С – кий, Сашка Е – нко, оба «Афанасия» и, конечно, близкие родственники – Братец Миша, Ирина А – х и Мать Мария ещё много лет будут дарить окружающим радость бытия.

Выражаю глубокую признательность и от души желаю долгой и плодотворной жизни своему любимому редактору, а также критикам и рецензентам Александру и Евгению «Джеффу» и, конечно, литературному мэтру Ильичу.

Идея обложки сборника возникла совершенно спонтанно, а вот отчасти «слизана» с небезызвестной книжной серии вполне намеренно. Настоящие друзья – всегда замечательные люди!

ОТЗЫВЫ НОВЫХ И «МНОГОЛЕТНИХ» ЧИТАТЕЛЕЙ

«В историях Константина невероятное количество героев. Кто-то встречается чаще, кто-то один раз, но остаётся впечатление, что это какая-то когорта единомышленников, связанных невидимыми нитями обязательного общения. Даже, когда герои встречаются для выяснения отношений, и «слабые выпадают», ценность их существования для автора не вызывает сомнений.

Отличный рассказчик, удивительный друг многих и многих, автор умудряется находиться сразу в нескольких местах, где редко бывает просто свидетелем, а чаще – организатором и участником «командных приключений». Сегодня, собираясь написать своё отношение к прочитанному, повторяла его «затягиванием» исполнения задуманного: влезала в книгу, и оставалась там надолго с героями и автором: ехала в поезде Москва-Гурзуф, сидела на набережной, слушая гитарные концерты фанатов Машины, Воскресенья и других, блуждала по московским «флэтам», влюблялась и расставалась.

Я не была участником историй автора, многих героев знаю только по его рассказкам, но моя жизнь конца 70-х, 80-х и 90-х проходила очень похоже, ну, может быть, с мень-

шим количеством горячительных напитков. Было главное: открытость, готовность протянуть руку, безумный и постоянный интерес к общению, к узнаванию жизни через новых знакомых и, конечно, через книги. В моём окружении тоже читали все: те, у кого были огромные домашние библиотеки, и те, кто посещал городские и брал книги у друзей.

Все произведения (уже пять!!! книг) автобиографические – автор сам участвовал в описываемых событиях, что представляет особый интерес и для ровесников, и уже для их детей, и даже внуков – это часть истории нашей страны, когда-то узаконено многонациональной и удивительно дружелюбной.

Рассказками Константина Крюгера хочется поделиться с друзьями и близкими, и периодически возвращаться в мир юности и бесшабашности нашего, как теперь говорят, «потерянного брежневского поколения».

Е. И.

«За годы ты столько всего напишешь, что возьмешь все премии не числом, а умением, в смысле наоборот. Хотя я не нашел в номинациях на „Писателя года“ исконно твою: любовь и „фрееш“ (если использовать нормативную лексику), но, тем не менее, как незаинтересованный читатель, искренне рад, что наш стиль бывшей жизни нашел своё место под литературным солнцем».

В. Петлюк

«Спасибо тебе, что в 17-ом окунул меня в мою молодость, спасибо за мой Гурзуф, за классные, веселые и немножко грустные воспоминания, за правду.

Я хоть и поплакала, когда читала, но это была сладостная грусть. Как жалко, что это не повторится, как жалко, что многих нет уже. И, здорово, что ты их помнишь, а вместе с тобой – и мы (старые гурзуферы).

Эх, сбросить бы все годы, все болезни и... опять туда в веселье, смех, в розыгрыши. В общем – в счастье... И хорошо, что наши дети узнают это по твоим рассказам, а не только по нашим, иногда приукрашенным, воспоминаниям. Спасибо!!!

И целую: сладким гурзуфским поцелуем с привкусом немного массандры, немного новосветского шампанского, немного пива, немного бахчисарайского фонтана и много-много ностальгии и любви...

В 18-ом ждущу от тебя еще много чего интересного, смешного и прикольного. И не только я. Продолжай, пожалуйста. Ждущу, ждущу, ждущу».

Надежда Волкова

Дорогой друг!

Ты потрясающе быстро растешь как писатель. Классный слог, а описываемые события возвращают меня в те далёкие застойные, но приятные времена.

На мой взгляд, пятая – «Карта памяти», одна из лучших твоих книг.

Продолжай радовать нас своими рассказами!

Алекс

Из цикла: Друзья

Памяти ушедших

Чем стремительней бежит время, тем чаще, вопреки течению реки Леты, с любовью и печалью я вспоминаю давно и не очень ушедших друзей и родных.

Несмотря на нежно-трогательное, подкреплённое ностальгией, отношение к жизни в реалиях Советского Союза, я должен признать, что та эпоха стоила жизни и здоровья многим из близких.

Самые талантливые и самобытные натуры и, как следствие, обладающие существенно более тонкой нервной организацией, острее чувствующие и сильнее переживающие, попадали в «тупик», упершись в окружающую, непробиваемую социалистическую действительность. Плотной идеологизированный – «шаг вправо, шаг влево – расстрел» – «Совок» не давал возможности творческой самореализации думающему хоть чуточку иначе индивидууму.

Мой закадычный ещё с институтских времён (а это более 40 лет) друг Женька «Джефф», тоже «балующийся» мемуарами, так высказался по этому вопросу: «Про самореализацию. Мне кажется, возможность такая всегда была, но она требовала существенного компромисса. А многие

люди, о которых ты пишешь, как раз-то и не хотели идти на компромисс!».

Просвета «в конце туннеля» не предвиделось: в 70-е и до второй половины 80-х никто не мог и предположить, какие крутые перемены нас ждут впереди – рухнет Берлинская стена, сменится строй, появится частная собственность, и станет реальностью создание и развитие собственного бизнеса. Как не вспомнить слова Макаревича о том, что в те годы он никак не ожидал, что в Союзе рок-музыка может стать профессией.

Лет десять назад, во время поездки во Вьетнам, в одном из монастырей я видел дом буддийского монаха Тхить Куанг Дыка, совершившего акт публичного самосожжения на одном из оживлённых перекрёстков Сайгона в 1963 году в знак протеста против преследования буддистов и других инакомыслящих.

Мои бескомпромиссные неординарные друзья не поднимались до таких высот гражданского протеста, но и не видели ни малейшего шанса воплотить в жизнь свои мечты, творческие задумки и идеи, не поступившись принципами, которыми дорожили. Поэтому, они сжигали свои жизни, уходя в параллельную реальность, при помощи алкоголя и «расширяющих сознание» препаратов.

Перечитывая недавно классика Советской литературы Юрия Нагибина, я неожиданно нашёл подтверждение своим мыслям: «Какой душевной силой, каким мужеством, сме-

лостью и верностью выбранному пути надо обладать, чтобы выстоять против чудовищной машины насилия и уничтожения! Но иногда иссякали внутренние ресурсы, металл ведь тоже устает, а человеческое сердце не из металла, и они давали себе перевести дыхание, отключиться – стаканом водки, уколom в вену, чтобы затем снова в бой».

И снова ремарка «Джеффа»: «Создаётся впечатление, что тогда было очень плохо, а теперь стало очень хорошо. Не уверен, что многие из наших друзей, вошедшие в жесткое противоречие с системой тогда, ужились бы с нынешней. И компромиссов она требует не меньше!».

Идея Ден Сяо Пина «Одна страна – две системы», как всегда, «удачно» воплотилась у нас, только последовательно, а не в параллель. Не завершив строительство развитого социализма, Россия смело шагнула в капитализм, набивая своим гражданам все возможные шишки на этом пути. Соглашусь с Женькой: установившийся в стране порядок хотя и существенно отличается от социалистического, но большинству наших, не подходивших под общую мерку приятелей – нонконформистов вряд ли бы пришёлся по душе. Хотя, как мы все знаем – у истории нет сослагательного наклонения! И ничего нельзя утверждать наверняка.

Во все времена и при всех системах существовали отдельные личности, чьи установки на жизнь шли вразрез с существующим строем, навязывающим свои жёсткие требования

к творчеству, морали, бытию. Безвременно покинувшие нас друзья-товарищи никогда не ратовали за стихийный анархизм, отрицающий любую власть, но жёсткие и давящие рамки «соцреализма» во всех без исключения проявлениях жизнедеятельности не давали им дышать свободно!!!

К сожалению, лучшие уходят первыми!

Шапка из дорогого меха

«Где мои семнадцать лет».

В. Высоцкий

Осень 1975 года знаменовалась важным событием, первого ноября Андрюшке «Крексу» исполнялось 19 лет. И как уже повелось, решили тёплой мужской компанией отметить знаменательную дату в Пивном Баре, только никак не могли определиться в каком.

* * *

Начало традиции положили мы с Мишкой «Хип-пи» на втором курсе. Приглашая институтских друзей на празднование Дня Рождения, я узнал, что они на ту же дату уже ангажированы моим шапочным знакомцем с параллельного потока на отмечание его 19-летия. Именно тогда и выяснилось, что у меня имеется полный «тёзка» по рождению: мы появились на свет в один день одного месяца и одного года и в роддоме им. Грауэрмана. С этого момента и завязалась наша с Мишкой крепкая, многолетняя дружба, длящаяся по сей день.

Первый совместный именинный «курултай» мы устроили в Останкинском Пивном Баре, расположенном в Марьи-

ной Роще. У Мишкиного одноклассника «Пахомыча» там работали два знакомых официанта, проходившие как «Чук» и «Гек». Они и организовали праздник в отдельном банкетном зале, расположенном на втором этаже заведения. Правда, у зала этого наличествовал один серьёзный минус – он не отапливался. А учитывая дату – 11 января, температура в предоставленном помещении здорово бодрила. Заботливые «халдеи», кроме как принести пару электрических плиток и поставить на пол (чтобы хотя бы ноги не очень мёрзли), ничем помочь не смогли.

Компания друзей-товарищей подобралась значительная! Мы с Мишкой пригласили всех: бывших одноклассников, сослуживцев по институту и прочих приятелей – соратников молодецких игр и забав. Присутствовали даже две дамы: моя названная сестра Маша и «Кукина» очередная пассия.

Пиво, как несерьёзный для такого торжества напиток, в расчёт не бралось, закупились вином «Иверия» в товарном количестве. Пили портвейн с тостами, чокаясь полулитровыми пивными кружками, значительная часть которых многочисленных здравий не выдержала. «Чук» и «Гек» регулярно подносили новые бокалы и активно участвовали в веселье, пока один из них не заснул, свернувшись клубком около дверей, что совершенно не мешало продолжению банкета. Несколько утомлённый «Нильсон» присел отдохнуть на одну из плиток, и запах палёной материи (до тела джинсы не прогорели) вызвал следующую волну веселья и заметное

оживление.

Окончания праздника память участников толком не сохранила, но отдельные эпизоды в голове зафиксировались. «Крекс», очнувшись в вагоне метро уже после прекращения движения, всю оставшуюся ночь бродил по путям, выискивая выход на улицу. «Мальши» почему-то проснулся в угольном бункере на Таганке, по соседству с Машинным домом, и прибрёл домой под утро чёрный, как трубочист.

По странному стечению обстоятельств, после нашего торжества Останкинский Пивбар вскоре закрыли на ремонт, а затем и вовсе перепрофилировали. Но мы тому непричинны!

* * *

«Первый блин» вполне удался и настолько понравился друзьям, что многие последовали нашему примеру. Сначала Вовка «Афанасий» в «Клешне», затем «Кука» в пивном баре в Мневниках с удовольствием отгуляли свои праздничные даты.

Итак, большинством голосов после недолгих споров мы убедили виновника организовать торжество в «Ладье», самом популярном центробом Московском Пивбаре, более известном как «Яма».

Дебютный визит в «Яму» я осуществил ещё старшеклассником, знакомясь со значными местами столицы. За-

ведение совершенно не впечатлило, хотя и выглядело вполне прилично – столики на четверых и обходительные официанты. Вкуса пива в те годы я ещё не распробовал, предпочитая по малолетству квас, да и очередь на входе «отсюда до завтра» абсолютно не радовала. В институтские годы «ячменный напиток» меня зацепил, и «пивняк» в компании друзей и сокурсников я посещал регулярно, однако внутренний интерьер уже изрядно изменился. Бар из «сидячего» перешёл в другую категорию: длинные и высокие прямоугольные стойки-столы разгородили помещение от подвальных окошек-бойниц к центру. Официантов заменила стандартная застеклённая витрина с холодными закусками и непрерывно подносимыми с кухни тарелками с варёными креветками. Вдоль витрины шла рельса, по которой двигали подносы к кассирше – такой привычный «сам бери» советский сервис. Толпа желающих попасть в «Ладью» стала ещё больше, но мы к этому времени освоили вход с «заднего крыльца»: через боковую арку и внутренний дворик.

В двух шагах от пивной, в Столешниковом переулке располагался фирменный винный магазинчик, всегда радующий посетителей широким выбором веселящих напитков. Из представленного ассортимента нас особо радовала «Хирса», белое креплёное вино с минимальным содержанием сахара, стоившее рубль семнадцать за пол литра.

Погодой начало ноября не радовало — дождь пополам со снегом. Вместе с именинником и Вовкой «Афанасием», укупив впрок семь бутылочек, мы на скорую руку слегка размялись в расположенном по соседству кафе «Арфа», греясь и убивая время до подхода остальных гостей. Покинув через полчаса заведение, мы слышали знакомый голос. Шурка «Портос» очень любил повокалить на улицах родного города: он, Мишка «Рыба» и ещё несколько приглашённых тоже подтянулись ранее назначенного срока и скрашивали ожидание употреблением всё той же «Хирсы», укрывшись от ненастья в арке дома напротив.

Объединившись, мы дружной гурьбой проследовали в «Яму». Первое ноября пришлось на субботу, поэтому, как обычно по выходным, очередь на вход загибалась за угол дома, и её конец терялся в рано наступивших зябких сумерках. «Портос» просочился в заведение проторенной тропой через «заднее крыльцо», после чего запустил нас со словами «Где вы ходите?! Я с утра стою, место держу, а вас всё нет!». Сдав верхнюю одежду в гардероб, мы с немалым трудом отыскали стойку, за которой вольготно расположились трое мужиков среднего возраста. Слегка потеснившись при нашем появлении, «соседи» в дальнейшем перебрались за другой стол по мере прибытия остальных приглашённых, но периодически

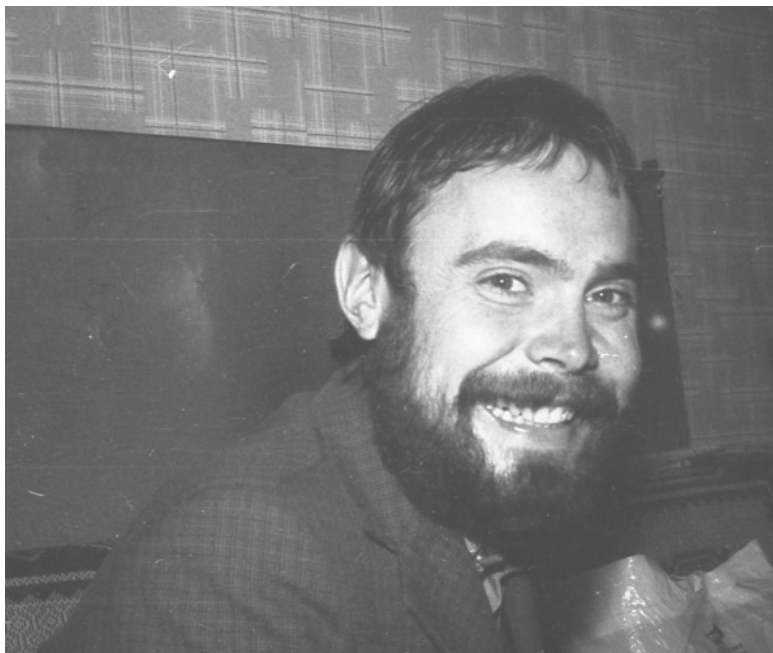
ски подходили чувствовать именинника.

Веселье сразу пошло бурно. Пиво, удачно наложившись на портвейн, «своё действие оказывало» точно по Ленчу: «в самую мозгу скорострелкой бьёт!». С определённого момента походы за очередной порцией пенного осуществлялись самыми крепкими, да и те, отправлялись «в путь», отталкиваясь от стойки, как пловец от бортика бассейна.

Именинник, в силу subtilности комплекции, слабел от алкоголя чрезвычайно быстро. Так и на этот раз, уже через пару часов Андрей ещё стоял на ногах, но окружающую действительность воспринимал «как сквозь сито». С приходом запоздалых гостей тосты и поздравления возобновлялись с новой силой, но «Крекс» уже «ушёл в себя» и не очень осознавал происходящее. Учитывая, что стемнело рано, и домой ждал «путь неблизкий», наиболее трезвые участники предложили завершить банкет и сопроводить именинника. Но внезапно возникла преграда, причём в лице самого «Крекса».

Утром знаменательного дня папа с мамой одарили Андрея «элитной» шапкой-ушанкой из меха сурка. Издали она смотрелась номенклатурной ондатрой, которую любили носить торговые и партийные работники среднего звена. Хорошо представляя, во что может вылиться празднование, «Крекс» предусмотрительно оставил дорогой подарок дома и выдвинулся на гулянье в вязаном «петушке». К завершению праздника, неоднократно поведав друзьям о родительском подар-

ке, Андрюшка совершенно запомнил, что перед уходом забросил коробку с «драгоценной» шапкой на шкаф в своей комнате. Когда гардеробщик на его номерок выдал родную куртку с какой-то «беспартийной» вязаной шапочкой, у юбиляра случилась истерика. Именинник настаивал на версии циничной подмены и требовал вызвать милицию. Присутствующий при этом случайно «зашедший на огонёк» участковый настоятельно порекомендовал протрезвиться и назавтра приезжать разбираться.



Появляться дома без драгоценного головного убора «Крекс» отказывался наотрез. Ситуацию исправил бесшабашный «крик души» пьяного в дым Володьки «Афанасия»: «Эх, Андрюшка! Да не в энтим дело!». На именинника он впечатления совершенно не произвёл, но произнесённая в сердцах и с театральным надрывом тирада привлекла внимание окружающих. К общему удивлению, спас положение, как ни странно, один из наших изначальных «соседей» по столу. Будучи сильно не в себе, он вошёл в отчаянность Андрюшкиных обстоятельств и в порыве нетрезвой доброты на пару суток одолжил свою изрядно потрёпанную шапку из крашеного пыжика, взяв при этом торжественное обещание вернуть. Повеселевший «Крекс» тут же выдал готовую версию: «Дома скажу, что малость извалял по дороге, а дальше что-нибудь придумаю!». Счастливое разрешение проблемы тут же бурно отпраздновали.

Мы с «Афанасием» из последних сил доволокли усугубившего бесчувственного именинника до его квартиры, приклонили к двери и, нажав кнопку звонка, стремительно испарились.

Утро началось тревожным звонком Андрюшки: «Ты всё помнишь?». «Почти. А в чём дело?». «Откуда вторая ондатра взялась?!». Больше всех удивилась мама Андрея, увидев невменяемого сына в приличной зимней шапке вместо спортивного «петушка», в котором он уходил на торже-

ство. Следующие два дня всей компанией разыскивали широкой души «мецената», своих координат не оставившего. Совестьливый «Крекс» обнаружил его вечером понедельника всё в той же «Яме», куда зарулил наудачу. Восторг мужика от возвращения «дорогой пропажи» мог сравниться только с его необычайной щедростью, результатом которой стало появление Андрюшки домой в состоянии, сильно превосходящем именинное.

А взятая друзьями на вооружение универсальная Вовкина фраза: «Да не в энтим дело!», объясняющая и окончательно разрешающая практически все безнадежные вопросы, применялась ещё многократно в соответствующих жизненных ситуациях.

Владимирские именины

«Как зовут – не помню!»

Недавняя встреча с приятелем Гурзуфской поры воскресила из забвения события почти забытого посещения славного города Владимира. Мы с хмельным хохотом, перебивая друг друга, взахлёб делились обрывками сохранившихся воспоминаний, заседая в уютной беседке посреди «фазенды» героя опуса, под закупленную с перспективой «белую» и шашлык от популярного мясного супермаркета. Когда же хозяин после продолжительных поисков всё-таки изыскал среди старых бумаг чудом уцелевшую фотографию, вызвавшую новый взрыв веселья, я твёрдо решил положить на бумагу все перипетии того путешествия.

* * *

Как и многие авантюры той поры, эта тоже началась в пивной «Больная Голова». Прозванное так из-за дислокации в Большом Головином переулке на Сретенке, заведение служило местом регулярных встреч московских «гурзуфцев», и, особенно, студентов, расположенных на Садовом Кольце, институтов. Олежек, четверокурсник «Плешки», не являлся исключением. Июньским вечером он в компании сво-

его Гурзуфского приятеля Игорька и его невесты отмечал в «Голове» окончание летней сессии. И уже изрядно «принял на грудь», когда жених и будущий зять внезапно заявил о твёрдом намерении познакомиться с потенциальной тёщей и собрался незамедлительно отбыть в тёплое Лазаревское, место её постоянного проживания. На гребне общей алкогольной эйфории Олег пообещал не оставить товарища и провести друзей в будущем семейном гнезде на Кавказском побережье. Сказано-сделано! Вскоре чудесным образом соблазнив в поездку свою тогдашнюю пассию Викторю – девушку весьма строгих правил, он отправился в путь.

Вопреки запоздалым, уже на подъезде к полустанку, опасениям Олега о возможной алкогольной «амнезии» приглашавших, в Лазаревском дорогих гостей встретили с царским почётом. Кормили на убой и увеселяли, как могли. Брат невесты «на лодочной на станции работал спасателем» со всеми вытекающими: рассеканием на приписанном к спасбригаде спортивном карте по невеликому посёлку, регулярными заездами в винный; разнообразными водными аттракционами, и даже серфингом. Всевозможные дозволенные и недозволенные удовольствия сыграли с приехавшей парочкой москвичей странный фокус – они разбежались. Виктория подружилась с отдыхающим на море питерцем, а её теперь уже бывший схлестнулся с группой студенток из Владимира и проводил досуг с ними. Одна из владимирских барышень увлеклась оставшимся в одиночестве москвичом

не на шутку, но ничего предосудительного ему не позволяла. После недели активного отдыха Олег «бобылём» с Кавказа улетел в Крым, в «родной» Гурзуф.

* * *

Тем летом в начале 80-х во время очередного Гурзуфского заезда мы с братом и познакомились с компанейским москвичом по прозвищу «Слоник». Этимология «псевдонимов» всегда являлась для меня загадкой. Олежка не напоминал одноимённое животное ни обликом, ни габаритами. Симпатичный мальчуган среднего роста и весьма худощавой комплекции пользовался заслуженным интересом у отдыхающего прекрасного пола со всех долов и весей Советского Союза. Обладая отчаянным куражом и не заморачиваясь съёмом даже временного жилья, он проводил ночи то в лодках местных рыбаков, то в садовых беседках вместе с меняющимися пассиями.



Пёстрый отпускной калейдоскоп Крымских подруг несколько затмил образ «тургеневской» барышни, миловидной старшекурсницы Владимирского Пединститута, горестное расставание на Кавказском курорте и её приглашение в родной город на празднование своего осеннего Дня Рождения.

Но девичья память, вопреки поговорке, оказалась твёрдой и цепкой. Упорные сентябрьские звонки и призывы дали нужные плоды. И после традиционной (первая суббота сентября) Гурзуфской «стрелки», у Олега «выиграло ретивое». Когда он поделился своими планами посетить флагманский город Золотого Кольца, мы с Борькой долго не размышляли. Всегда лёгкие на подъём и не связанные на тот момент серьёзными узами, мы сразу «ответили радостным согласием».

В пятницу, накануне запланированного визита, я мимохо-

дом заскочил в «Огонёк», наш центральный ресторан районного масштаба. Там напоролся на Эдуардика «Родственников», и вместе с ним засиделся до глубокой ночи с двумя впервые встреченными и сильно нетрезвыми «джентельменами удачи», с которыми очень долго обсуждал гипотетические возможности приобретения пистолета «Стечкин». Как следствие, выезд в соседний областной центр состоялся практически немедленно после моего запоздалого возвращения домой, т.е. на первой утренней пятичасовой электричке.



На вокзале Владимира нас встретила радостная именинница с двумя подружками и мы сразу проследовали к ней домой на праздничный завтрак. Сильно удивило наличие родителей: в нашей компании такого рода мероприятия обыч-

но проходили в их отсутствие. Но после того, как папа именинницы повторно поднял тост за долгожданного «московского гостя со товарищи», я понял, что Олег не совсем правильно оценивает свой статус в качестве «посторонним в». За богато накрытым столом при всей семье и «нейтральных наблюдателях» неприкрыто звучали намёки на будущую счастливую жизнь молодых. Совокупность происходящего на торжественной трапезе явно напоминала обручение. По ходу затянувшегося застолья гипотетический тесть огласил дальнейшую программу пребывания: после ознакомительной прогулки по городу нас ожидал помпезный ужин в центральном, элитном Владимирском ресторане – родители уже полностью проплатили банкет, но сами идти не собирались. После празднования нас ожидали домой «баиньки». Исходя из предусмотрительно озвученного папой распределения спальных мест, стало ясно, что будущие «родственники» твёрдо уверены в сугубой серьёзности отношений «молодых». «Слоник» был абсолютно не готов к такому развитию событий и совершенно опешил от происходящего, особенно, когда во время посещения расположенного неподалёку альма-матер «невесты», её сокурсницы поссорились, не поделив роль свидетельницы.

Сама «новорожденная» вела себя очень скромно и, несмотря на употреблённые напитки, сначала как-то дичилась нас с Борькой в отличие от подружек, сразу активно пошедших на контакт. У меня создалось впечатление, что

именно родители серьёзно настроились сбыть дочь с рук, воспользовавшись подвернувшимся случаем. Но поразмышлять на эту тему и трезво оценить ситуацию не удалось: после ознакомительной экскурсии по окружающему микрорайону с активным применением «пшеничного» вина на институтской спортплощадке мы вернулись к «молодой» домой – девушкам необходимо подготовиться к торжественному выходу в свет.

* * *

Пока дамы переодевались и причепуривались, мы под руководством хлебосольного хозяина ещё усугубили «за новорожденную и её родителей», так что в «Нерль» явились в «самую плепорцию». За столом на восемь персон в центре зала и напротив сцены, кроме «молодых», восседавших во главе стола, разместились мы с Борисом, две уже знакомые будущие педагоги и молодая семейная пара их сокурсников. Веселье сразу пошло бурно, и танцевать мы начали, едва заиграла музыка. Озирая помещение во время плясок, я неожиданно наткнулся взглядом на знакомые лица. Московские подружки Людка и Нелька, продавщицы «Берёзки», в компании двух мужичков что-то активно отмечали за столиком у дальней стены.

Нас с Людмилой связывали к тому моменту длительные приятельские отношения, подкрепляемые эпизодиче-

ским «поддруживанием» и деловым сотрудничеством. Она проживала недалеко от меня на улице Трофимова, и познакомились мы много лет назад в общественном транспорте. Сильно ослабленный гуляньем накануне, я не смог удержаться и погладил по спине сидящую передо мной симпатичную платиновую блондинку в нарядном и воздушном, явно импортном платье, наглядно обрисовывающем выдающиеся формы. Прежде я нерешительно кивал ей, регулярно встречая утром в 12-ом номере трамвая по дороге на службу. Реакция меня потрясла: «Тебе неважно? Хочешь, пешочком прогуляемся?!». За три пройденные остановки мы обменялись всей информацией, необходимой для дальнейшего развития отношений.

Задорная и добросердечная Людка не чуралась всевозможных земных радостей, при этом оставаясь продавщицей до мозга костей. В отличие от большинства известных мне барышень, её заветной мечтой было не удачное замужество, а приобретение личного автотранспорта. Вскоре после своей ранней женитьбы я познакомил торговую красотку со своими новыми предприимчивыми абхазскими родственниками, активно заинтересованными в острodefицитных, продававшихся в «Берёзке» заграничных товарах. Один из них, Гиви, деятельно поспособствовал исполнению Людкиного сокровенного желания, а позднее одарил «бювую» подружку ребёнком, что совершенно не повлияло на её «modus operandi». Сыночка воспитывал Людин строгий па-

па-отставник вместе с мамой, заведующей детским садом. А веселушка – продавищица продолжала в свободное время с удовольствием употреблять так любимый ею «шампу-сик» в компании «загадочных» мужчин.

Когда я подсел за столик международного «квартета», выяснилось, что два немца-интуриста, посетившие магазин на Ферсмана, «ничтоже сумняшеся» пригласили понравившихся работниц валютного прилавка составить им компанию в трёхдневном туре по Золотому Кольцу. Я настолько естественно влился в весёлые посиделки, что совершенно не заметил «окончания банкета» по случаю Дня Рождения. Когда в зале начал медленно гаснуть свет, мы обнаружили, что остались в ресторане одни, остальные столики давно опустели. Интуристов с дамами ожидали два номера в расположенной неподалёку гостинице «Владимир», я же оказался совершенно один и сильно не в себе на мокром тротуаре вдали от родного дома.

Первые минут сорок, останавливая все проезжающие машины, я без малейших колебаний требовал довезти меня до 13-ой Горбольницы, как-то запамятовав, что пребываю во Владимире. К счастью, уже пятый притормозивший автолюбитель оказался москвичом и, уточнив название улицы, доходчиво растолковал, что я нахожусь в другом городе. Это бы меня не сильно расстроило, но мелкий дождик вносил в текущее положение некоторый дискомфорт.

Усилившийся, перешедший в летний ливень дождь вкупе

с обрушившейся после бурно проведённого дня усталостью активно понуждали искать место для ночлега. Адрес принимающей стороны я забыл напрочь, хотя при подходе к дому именинницы обратил внимание и на его номер и на табличку на двери квартиры. Как ни странно, в состоянии изрядного алкогольного опьянения при ослабевшей текущей памяти остальные отделы мозга начинали работать с неожиданной активностью: во всех подробностях сразу вспомнился популярный телефильм «Старший сын». И уподобившись главному герою, я решил попроситься переночевать в первое же светящееся окно. Немедленно выплывшие из подсознания «Море по колено!», «Всё по плечу!» и другие соответствующие положению пословицы и поговорки убеждали в правильности выбранного решения. Как назло, вокруг ресторана в пределах видимости господствовало сонное царство, свет не горел ни в одном окошке. Пройдя пару кварталов по абсолютно безлюдной улице, я заметил во втором ряду домов, в стандартной пятиэтажке синее сияние телеэкрана в окне последнего этажа. Уже собираясь нажать кнопку звонка, я обратил внимание на струящийся свет из открытого чердачного люка, к которому вела практически вертикальная лестница. С трудом преодолев четыре широко разнесённые ступени, я оказался в неожиданно уютном и чистеньком жилище неизвестного обитателя. Даже раскладушка у малюсенького мансардного окошка была аккуратно застелена вполне приличным одеялом. Не чуя под собой ног,

я рухнул в койку и вырубился.

* * *

Воскресное утро разбудило гулом автотранспорта, доносящегося даже до моего высокого убежища. Между зданиями просматривался широкий проспект с бурным движением легковушек и изредка вклинивающихся рейсовых троллейбусов. Вспомнив, что накануне от вокзала мы добирались до места назначения именно этим транспортом, решил прокатиться наудачу. Будучи ярко выраженным урбанистом, я себя уверенно ощущаю в любом, даже совершенно незнакомом городе, чему дополнительно способствует неплохая ориентация в пространстве. Примерно представляя направление движения, сел в первый же подошедший троллейбус и начал до боли в глазах всматриваться в пробегающие за окнами пейзажи, стараясь зацепиться хоть за какой-нибудь ориентир из вчерашнего дня.

И – вот оно! Я узнал расположенный недалеко от вождьённой дислокации институтский стадион, на котором мы резвились. Правда, пока шло осознание, проехал ещё остановку, но это уже роли не играло. На тот момент меня занимал процесс опознавания нужного здания среди одинаковых «хрущёвок» и, самое главное, определение правильного подъезда. Расположение квартиры на лестничной площадке первого этажа я помнил отлично, а вот номера память не со-

хранила.

Как ни странно, дом узнал сразу, а вот с подъездом пришлось повозиться. Я взобрался на приступку, проходящую вдоль всего фасада дома, и робко постучал в предполагаемое окно. Попытка успехом не увенчалась: из-за шторы появилась недоуменно-раздраженная мужская физиономия. Фиаско не смутило, и я передвинулся к соседнему подъезду.

Изумление Бориса, прореагировавшего на дробь по раме и уставившегося мне в лицо, не поддается описанию. Хотя именно он, как позднее рассказал «Слоник», на ночные опасения хозяев, встревоженных исчезновением одного из гостей, бодро заверил: «Брат – кремень! Нигде не пропадёт! Не первый раз!».

Перебравшись через подоконник, я немедленно отправился в ванну, помыться и «почистить пёрышки», вызвав оторопь и нездоровый всплеск веселья у «поправляющегося» хозяина. После широкого утреннего застолья второй день до мелочей повторял предыдущий, только без похода в ресторан. Ближе к ночи «молодая» с подругами, едва сдерживая слезы, посадила нас в предпоследнюю электричку, и я её никогда больше не видел.

Но самое удивительное, что и Олегу после нашего визита никто не докучал. Как отрезало! То ли мы произвели неизгладимое впечатление на родителей девушки, и они не решились вверить судьбу своего единственного чада в руки безбашенного москвича со товарищи. Или же сама виновница

торжества сделала надлежащие выводы из неординарного заезда столичных молодцов.

На мой запоздавший на 30 лет вопрос об имени «избранницы», Олег честно ответил фразой, приведённой в эпиграфе. Хотя и чрезмерно употреблённый во время шашлычных посиделок алкоголь вполне мог вызвать эффект ретроградской амнезии.

Володя. Триединая история любви

*«От женичины, как от смерти, никуда
не уйдёшь!»*

М. Горький

Я впервые увидел «Во» в первой половине 70-х на одном из «сейшенов», куда он объявился в компании знакомцев с Варшавки. С двумя из них он обучался в небезызвестном «ТехникАме» на улице Нагорной, на которой и проживал. Ввиду господствующего на Варшавке сленга, тяготеющего к минимализму, у большинства аборигенов присутствовали практически индейские прозвища: «Ра», «Га», «Ли», «Ги», так что Вовка «Во» отлично вписался в дружную компанию. Крепкая рабочая семья его родителей несказанно радовалась получаемому сыном техническому образованию, но их очень огорчала совершенно бесполезная и непонятная тяга Вовки к рисованию. И когда он с «ТехникАмом» расстался, подвыпивший в расстройстве отец в сердцах обозвал сына «никудашным мазилой», серьёзно и надолго подорвав его уверенность в себе.

Ещё до отчисления по причине «веселости нрава» Володя познакомился с второкурсницей Ириной с параллельного, «девичьего» факультета, готовящего программисток – перфокарточниц. Пролетарская семья избранницы проживала в подмосковном Ступино, а девушка квартировала у удачли-

вого дяди, выбившегося в прокуроры одного из районов столицы. Горячая взаимная любовь продолжалась все годы обучения избранницы, причём ничего предосудительного Ирка не позволяла, а «Во» не настаивал, невзирая на свободу нравов, царившую в компании. Он твёрдо решил, что Ирке суждено стать его второй половиной, и берёт её. Расписаться жених планировал после завершения Ирининой учёбы. Сам он в тот период трудился оформителем на «свечном» заводе недалеко от дома, практикуя и развивая недюжинные художественные способности, ярко проявившиеся ещё в раннем детстве.

Окончание «Техникама» Володиной суженой совпало с открывшимся у меня «флэтом²». Родители разъехались по отпускам и командировкам, и на две недели я стал счастливым обладателем трёхкомнатной квартиры. «Во» доверительно поведал деликатность ситуации, и ему на весь период «первой брачной ночи», переходящей в «медовые» полмесяца, была выделена дальняя, родительская спальня. Правда, молодым недолго удалось насладиться «тайнством» келейно, ввиду резко уплотнившегося населения жилища. Устроившийся на работу в новый ДК 1-го ГПЗ неподалёку, Борька «Ра» повадился ночевать в комнате «молодожёнов» на складном диванчике, вынудив их вести себя неслышно в присутствии постороннего и перенести любовные игры на дневное время. Это не помешало «Во» торжественно объ-

² «Флет» – свободная от родителей жилплощадь – сленг.

явить себя с Ириной мужем и женой и анонсировать скорое бракосочетание.

Большинству друзей Ирка нравилась. Простоватое, но симпатичное веснушчатое личико полностью компенсировалось точёной фигуркой и потрясающей красоты ногами. Более стройных и правильной формы ножек я больше не встречал, в полном соответствии со строками Пушкина «...вряд ли Найдете вы в России целой Три пары стройных женских ног...». Тем более, что девушка охотно их демонстрировала, в основном рассекая по квартире в накинутой на складное тело великоватой рубаше жениха.

После возвращения моих родителей суженые разъехались по домам, но уже через неделю ошарашенный Володька позвал поехать с ними третьим в Ступино, знакомиться с роднёй невесты. К нашему удивлению, семейный кров мы обнаружили пустым. Ирина решила сделать родителям сюрприз, а они, в свою очередь, надумали неожиданно провести дочь в Москве. Мы разминулись, но с удовольствием провели уик-энд в малогабаритной, очень уютной двухкомнатной квартире в центре небольшого городка. Для компании Ирка вызвонила бывшую одноклассницу, «пеструшку – невозможницу» весьма озорного нрава, и время пролетело незаметно. Оба дня пешком «по холодку» мы прогуливались минут тридцать до Иркиной дачи-фазенды, где «на природе», ограниченной четырьмя сотками, устраивали пикник «сухое с фруктами». В качестве первого ингредиента выступал па-

пин спирт, приличные запасы которого обнаружили в подвале домика, а яблоки ранних сортов отлично шли как закуска.

Гром грянул примерно через полтора месяца после «обручения». К тому времени пара «голубков» заселилась к «Малышу», воспользовавшись отъездом его «предков» на дачу. В один из дней Ирина, вернувшись слегка навеселе от «высокопоставленных» столичных родственников, во всеуслышание объявила, что передумала выходить за Вовку ввиду его полной бесперспективности. На присутствующих многочисленных гостей тирада произвела впечатление разорвавшейся гранаты. Мы с «Нильсоном» едва успели перехватить «Во», метнувшегося к балконным перилам – полёт с четвёртого этажа «сталинского» дома ничего хорошего не сулил. Опешивший «Крекс» активно принялся утешать отвергнутого Ромео, снова и снова наполняя его стакан утоляющим боль души портвейном «Три семёрки». Вероломная Джульетта, чтобы пресечь попытки уговоров и наглядно доказать невозможность возврата к старому, увлекла «слабого на передок» и влюбчивого хозяина квартиры в ванную, откуда торжественно вышла в блаженной истоме минут через сорок. К этому времени отвергнутый жених уже не мог сказать «мама», но из последних сил осуществил попытку удавить неверную, окончившуюся полным фиаско. Неожиданно сторону изменщицы принял Борька «Ра», во-первых, озвучивший тезис о «праве на самоопределение» любой особи,

а во-вторых, поддержавший Иркину теорию о никчемности бывшего жениха. У Бориса с Володей давно происходили серьёзные трения на почве различия взглядов на рок-музыку и изобразительное искусство, в которых оба считали себя непревзойдёнными специалистами.

История повлияла на «Во» необычным образом. Вместо того, чтобы пуститься во все тяжкие, он, наоборот, начал шарахаться от любых представительниц прекрасного пола. Регулярно приводимых для него барышень, он без всяческих причин смешивал с грязью, и мы серьёзно опасались его перерождения в ярого женоненавистника.

* * *

Образ предательницы сильно запал Вовке в душу. Примерно через год после трагического разрыва он позвал меня в «Огонёк», центральный Автозаводский ресторан. И там незаметно указал на неторопливо фланирующую между столиками совсем юную практикантку, разительно похожую на бывшую любовь: «Как думаешь, такая же сука?!». Проверять не стали и ушли восвояси.

Спустя ещё год Володя, наконец, появился у «Малыша» не один. Его сопровождала весьма симпатичная молодая особа, отдаленно напоминавшая Ирку, но заметно фигуристей и существенно интересней внешне. На слегка скуластом выразительном лице сразу привлекали внимание огромные

карие очи, шапка крупными волнами выющихся тёмных локонов до плеч дополняла весьма приятную глазу картину. «Ирэна!», – представил спутницу «Во». К этому времени он окончательно утвердился в желании стать профессиональным иллюстратором; жанровые зарисовки и небольшие пейзажи начинающего художника даже напечатали некоторые второстепенные издания, так что степень уверенности в себе и самооценка существенно выросли. Девушка смотрела на спутника во все глаза и ловила каждое слово, так что мы перестали тревожиться за друга, в конце концов, встретившего настоящую любовь.

В начале 78-го на нашу с Галкой свадьбу Вовка появился с Ирэнкой, закрепив таким образом её статус «официальной» подруги.

Через полгода озабоченный Володя перехватил меня по дороге со службы и срочно увлёк в районную рюмочную для серьёзного разговора: «Ирэнка залетела! Что делать?!». Выяснилось, что «строгие родители суженой постоянно проживают на родине отца, в Грузии, где будущий тесть занимает ответственную должность мастера цеха на Кутаисском автомобильном заводе. Много лет назад, проходя стажировку на ЗиЛе, он познакомился с юной москвичкой, немедленно женился и увёз к себе на Родину. Там у молодых родилась дочь, но в школу её отправили уже в Москву, под присмотр бабушки. Девушка делит приличную двушку с бабулей неподалёку, у метро «Пролетарская». Верный принципам «Во»

вываживал Ирэну восемь месяцев, дабы убедиться в прочности чувств, потом случился очень болезненный, первый и единственный «акт любви и нежности», и теперь невеста «в положении». «Таинство» осуществляли, предварительно зарядившись «Белым Медведем»³ и на скорую руку, чтобы успеть до возвращения бабушки от подруги, и толком он ничего не помнит. Но результат налицо: у девушки «прекратились «краски», набухла грудь, вырос аппетит, и её прёт, как на дрожжах!».

Жениться Вовка не отказывается, но «получается очень некрасиво, и по словам Ирэны – папа обладает очень вспыльчивым нравом и в гневе страшен!». Мой совет – открыться бабуле не пришёлся «Во» по вкусу, но общение с потенциальным тестем пугало ещё больше.

Известие о беременности внучки произвело на пожилую даму эффект обрушения мира. «Зять меня убьёт!», – уверенно заявила старушка. «За то, что не сохранила нашу девочку, зарэжет, не моргнув глазом!». Но, тем не менее, шустро и деловито организовала визит к знакомому гинекологу.

Итоги осмотра потрясли всех, но жениха особенно. Ирэна оказалась девушкой, а беременность – ложной. «Пациентка настолько уверовала в произошедшее оплодотворение, что организм повёл себя соответствующим образом!», – доктор очень веселился: «Такие случаи известны, но происходят крайне редко!».

³ «Белый Медведь» – коктейль из водки с шампанским.

Посещение врача произвело на Вовку совершенно угнетающее действие. После известия о произошедшем фиаско над ним не издевался только ленивый! «Тренируйся на кошках!» и «Сначала теорию изучи!», – самое безобидное из того, что «Во» довелось услышать. От Ирэны его отвратило полностью, и он наглухо замкнулся в себе.

Успокоившаяся бабушка поехала восстанавливать нервную систему к дочери с мужем, а внучка пустилась во все тяжкие. Складывалось впечатление, что после произошедшего афронта она желает удостовериться в собственной сексуальной полноценности путём проверки поголовно на всех знакомых молодых людях. В квартире Ирэны стоял непрекращающийся «дым коромыслом» и очередь привечаемых поклонников. Эпизодически присылавшийся из Кутаиси и до того неприкосновенно хранимый бабулей коньячный спирт теперь активно употреблялся тестируемыми, вызывая известный каждому выпивающему «эффект сухостоя», к заметному удовольствию вошедшей во вкус барышни.

Естественно, известия о непотребствах в хорошо известной квартирке не улучшали морального состояния «Во», и друзья опасались повторения попытки суицида. Но судьба Володю берегла: он нашёл забвение в любимом творчестве. Именно в тот период плодами упорного труда, наконец, заинтересовалось одно из Ленинградских издательств.

В очередной наш с Галкой визит в «Огонёк» знакомая официантка Любаша (сестра друга детства), заговорщицки кивнула в сторону молоденькой напарницы: «А твой-то дружок зачастил. Сидит, молчит и смотрит. Того и гляди – накинется!». Большой специалист по связыванию друзей и знакомых узами брака, Галина активно взялась за устройство Володиной судьбы. И уже через пару месяцев мы торжественно свидетельствовали во Дворце Бракосочетаний в торце огромного дома на Варшавском шоссе, а затем, после заезда на смотровую площадку на Ленинских горах, праздновали в ресторане «Прага».

Сама свадьба ничем особым не запомнилась, кроме «товарищеского недоразумения» между «Нильсоном» и отцом невесты, к которому Мишка приревновал свою даму. Мы с Галкой, благополучно отбыли домой и не поехали провожать молодых на вокзал в свадебное турне в Ленинград вместе с большинством гостей.

О «продолжении банкета» поведал Игорь «Бамбина», заскочивший «на огонёк» через неделю после торжества по дороге к очередной пассии, продавщице нашего «Универмага». Утром в спальном вагоне обнаружилось одиннадцать гостей, которые бурно, включая два посещения милиции, сопровождали молодожёнов в городе на Неве во время их «ме-

дового» уик-энда. Яркие красочные подробности, приведённые Игорем, вполне подтверждали прозвище «Секрет великого рассказчика», но на неподготовленного слушателя производили шоковое впечатление.

Спустя некоторое время выяснилось, что Людмила выбором профессии обязана матери, на тот момент занимавшей ответственный пост метрдотеля в поплавке «Сокол» около Большого Краснохолмского моста на Таганке. Один из трёх стоящих на приколе Московских плавучих ресторанов, «Сокол» выделялся обилием посещавших его офицеров из расположенных поблизости Военных Академий и спекулянтов – «коллекционеров» от небезызвестного магазина «Нумизмат». Последние бурно отмечали в питейном заведении особо удачные сделки под музыку ресторанных лабухов. Всей компанией мы зачастили в ставший «родным домом» кабак, тем более, что в отличие от Автозаводского «Огонька» «товарищеские недоразумения» в «Соколе» случались крайне редко из-за расположенного практически напротив 37-го отделения милиции.

«Ресторанная» тёща зятю очень благоволила, но рода его занятий не понимала: «Что это за картинки?! На них разве как следует проживёшь?! Заканчивай курсы официантов, и я тебя мигом в люди выведу! Мэтром станешь в приличном месте! У меня концы – на самый верх идут!». Володю очень раздражала базарная напористость и похвальбы Людкиной матери, но из-за горячей любви к жене он стоически терпел.

У нас с Галкой родилась дочь, и я всецело увяз в домашних делах и заботах и на продолжительный период несколько отстранился от компании друзей. Когда же я снова вернулся в привычный круг общения, то с изумлением узнал, что «Во» резко порвал с Людкой, одномоментно развёлся и холостякует у родителей. Причин коллизии никто из знакомых точно назвать не мог, но ходили неясные слухи об измене молодой жены с красавцем мясником, завсегдатаем «Огонька», подтверждаемые якобы брошенной в сердцах бывшим мужем фразой: «Все они суки из одного теста!».

Людмила, эпизодически встречаемая во время регулярных заходов в «Огонёк», вела себя приветливо и относилась к «своим» клиентам с прежним пиететом. Правда, её бывшая наставница, Любаша, по секрету шепнула: «Ученица то моя переживает очень! Закладывать за воротник начала!». Но на работе это, видимо, не сказывалось, и скоро Людмилу повысили до старшей смены. Они с Любашей начали работать в «противофазе», так что в любой визит я попадал к одной из «своих» официанток.

Вовка по традиции ушёл в себя и живопись.

Маршруты его жизненных странствий больше не пролегли через Автозаводскую, у меня на Нагорной никаких дел не было, и жизнь развела окончательно.

Уже в первой половине 90-х, работая в синдикате старинного друга Петровича, мы с напарником «Зямой» неоднократно поставляли английский зелёный горошек в коммерческий магазин «Продукты» в самом конце Нагорной улицы, где должность зам. директора занимал мой старинный знакомец по «стриту» и Гурзуфу Владимир «Осташка». В очередной раз получив деньги за товар, я оставил «Зяму» выпивать с Вовкой. А сам, пребывая в тот период в «сухом» режиме, распрощался с приятелями, сел на автобус 44-го маршрута в направлении дома и уткнулся в книгу. Через пару остановок кто-то весомо хлопнул меня по плечу: «Привет! Сто лет, сто зим!». Я поднял голову. Надо мной стоял «Во», чувствительно раздобревший, с изрядно поредевшей шевелюрой, но вполне узнаваемый. Присев рядом, Вовка начал подсчитывать сколько лет не виделись, забросал вопросами о старых общих друзьях, текущей жизни, матримониальном статусе, детях и прочей всячине. О себе гордо поведал: принят в Союз Художников в подсекцию «Открытки», женат на врачихе. Автобус доехал до платформы «ЗиЛ» в самом начале Вариавки, и Володя сорвался на выход. Мы даже не успели обменяться телефонами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.